

Младший брат

Повесть

16+

Юлия Добровольская

Юлия Добровольская
Младший брат

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Добровольская Ю.

Младший брат / Ю. Добровольская — «ЛитРес: Самиздат», 2004

Все мои истории – о сложностях и радостях человеческих взаимоотношений. Я не сужу своих героев – не осуждаю и не одобряю – я их наблюдаю. В моей прозе нет ничего об интригах, предательствах, мести, зависти и прочих явлениях, бытующих в среде спящей части человечества. Здесь – совсем о других людях. О тех, кто понимает, что нет несчастий и врагов, а есть лишь чудеса и ангелы. О тех, чья жизнь – это рост, а не увядание, и смерть – это продолжение, а не конец.

© Добровольская Ю., 2004

© ЛитРес: Самиздат, 2004

Содержание

Младший брат	5
Роман	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Младший брат

Роман

Мы поднимались по широкой гулкой лестнице на шестой, последний, этаж огромного довоенного дома. Он сказал, что в их доме неработающий лифт – явление редкое.

У-уф! Не повезло.

Перед моими глазами мелькали его тугие икры и бёдра, обтянутые голубыми джинсами, вытертыми до белизны на самых выпуклых местах. Почему-то это вдруг разволновало меня.

На четвёртом этаже я отстала – по современным стандартам это, пожалуй, мог быть седьмой.

Он остановился и шутливо предложил мне помощь, словно я взбиралась на скалу. Один пролёт мы преодолели за руку, потом я снова отстала.

Когда я поднялась, он уже стоял в дверном проёме квартиры лицом ко мне, одной рукой опираясь на торец распахнутой двери, другой – на стену, и помигивал светом, как маяком.

Я вошла, он закрыл дверь, и я оказалась в кольце его рук. Мы оба тяжело дышали после подъёма и вяло улыбались друг другу, словно извиняясь за это.

Он снова щёлкнул выключателем – лампочка мигнула и погасла. Прихожая освещалась только светом, попадавшим в неё из гостиной.

Я вдыхала запах его сигарет и едва ощутимый к вечеру аромат туалетной воды – терпкий, энергичный, такой же спортивный, как он сам – смешанный с запахом разгорячённого тела.

И снова с удивлением почувствовала, как волнение охватывает меня. Само по себе это слишком редкое явление в моей жизни. А то, что оно относилось к человеку стоящему сейчас передо мной, и вовсе обескураживало.

Мы знакомы так давно и так близко, что стали родными. Чего только ни пережили мы вместе за... за двадцать с лишним лет! И ни разу мне не пришло в голову, что он – мужчина. Наверно, потому, что узнала я его совсем ещё мальчишкой, пятнадцатилетним гадким утёнком, единственной страстью которого было качать железо в подвале соседнего дома. А я – взрослая женщина – выходила тогда замуж за его брата...

Я положила ладони ему на грудь. Он задержал дыхание. Я невольно сделала то же.

Он опустил руку мне на волосы и теребил их, пробираясь к шее. В голове поплыло. Мы всё так же тяжело дышали. И уже не понятно – отчего.

Он ждал моего следующего сигнала. Его горячая ладонь мяла мою щёку, большой палец касался губ. Я лизнула его и прикусила.

Тогда он схватил меня в охапку и стал целовать.

Я теряла сознание. Я никогда прежде не испытывала ничего подобного. Мне сделалось страшно.

Я остановила его. Он отреагировал мгновенно и замер, словно оказался на самом краю пропасти.

– Что? – Прошептал он.

Это развеселило: я всё ещё была для него старшей, которую он слушался, как мать или сестру, хотя в нашем нынешнем возрасте разница в семь лет превратилась в сугубо номинальную.

- Ты соображаешь, что мы делаем?
- Соображаю.
- Ты соображаешь, как это называется?
- Соображаю.

Наше прерывистое дыхание и пылкие объятия мало способствовали увещаниям подобного рода.

- И что?
- Я люблю тебя. И ты это знаешь. – Он отпустил меня как-то безнадежно.

Нет... Всё, что угодно: удачный день и предвкушение приятного вечера, жара, долгое одиночество, в конце концов – только не это!

Я взяла его лицо в руки и в сумерках прихожей попыталась заглянуть ему в глаза. Мы становились одного роста, когда я надевала каблуки. Оба его брата – высокие и худые, а он пошёл в мышцы. Из-за железок, наверное.

Он не смотрел на меня. А я вдруг увидела его губы, которых, кажется, никогда и не видела, которые только что так страстно целовали мои, его большой лоб, насупленные брови.

- Что ты сказал?
- Я люблю тебя. – И он взглянул прямо мне в глаза.

- Я растерялась.
- Я люблю тебя. – Повторил он. – Только не говори, что ты этого не знаешь.
- Перестань. Это от жары... Не выдумывай.

Он убрал мои руки и уселся на комод.

– Такие вещи не выдумывают, просто они иногда происходят... С людьми... С некоторыми людьми.

- Но... ты же...

– Не надо! Только глупостей не говори! Ты ведь умная женщина. Хотя, и дура тоже. – Он помолчал. – Какая же ты дура!

Я подошла и положила руки ему на колени. Он сдвинул ноги, зажав меня, и переплёл их сзади.

- Это почему же я дура? Потому, что не...
- Замолчи, не плоди глупость, я знаю, что ты сейчас скажешь.
- Хорошо, молчу.

Он тоже молчал, теребя прядь моих волос. Рука касалась запястьем моей груди – это он нарочно или безо всякого умысла? Так или иначе, во мне опять поднялось пугающее ощущение, что я вот-вот перестану владеть собой.

- Ты забыл, что нас ждут?
- Нас не ждут.
- Что ты хочешь этим сказать?
- Что сказал.
- Ну-ка, ну-ка...
- Не ждут, и всё!

Он отстранил меня и прыгнул на пол.

- Чай будешь?
- Нет, ты сначала объясни, что происходит.
- Позвонил Ярек и сказал, что его вызвали. Срочно.
- А Гарик знает?
- Знает, я сам ему перезванивал.
- А что же ты мне раньше не сказал?
- Не сказал и всё. Какая разница? Вот теперь говорю. – Он наливал в чайник воду.

Я засмеялась:

– Ну и болван же ты!

Он посмотрел на меня и серьёзно спросил:

– Ты думаешь? – Подошёл ко мне и остановился в полушаге.

Теперь он смотрел на меня чуть сверху – я скинула туфли в прихожей.

Мне снова стало не по себе. словно какое-то поле, излучаемое им, проникало в мои клетки. Или смерч, только без движения воздуха... Это неведомое что-то корёжило мою плоть, разум, чувства. Может быть, так и должно быть между мужчиной и женщиной?..

Неужели, и вправду, со мной не случилось ничего подобного?

* * *

С мужем, моим единственным мужчиной, я не испытывала сильных ощущений. Всё происходило ровно и обыденно. А последние годы – почти никак. Он уставал всё чаще, и его измождённое тело, спрятанное к тому же в невесть с чего появившуюся в обиходе пижаму, стало таким далёким. Мне тоже пришлось завести ночную рубашку, к которой я долго не могла привыкнуть. Но женщина, как известно, привыкает ко всему...

Я любила своего мужа, и другие мужчины не составляли для меня иного интереса, кроме дружеского.

У нас была большая весёлая компания, точнее, семья. Старший брат, Гарик, с женой и двумя сыновьями. Младший, Рома – Ромашка, как все его звали – тоже с женой и сыном. И мы. Забавно, но у нас тоже сын. Итого: десять дней рождений в году, плюс самый главный праздник – день свадьбы родителей. До сих пор не встречала подобного – многие знать не знают, когда их родители стали семьёй. А у нас это – святой день. И теперь, когда они живут далеко от нас, мы собираемся за большим столом и празднуем их очередную годовщину.

Кроме того, всяческие общие праздники и множество разных поводов для встреч. Совместные пикники, мужчины с сыновьями в бассейне или на рыбалке, женщины в хлопотах на огромной Ромашкиной кухне – идиллия, ни дать, ни взять...

Только вот Ромашка омрачил эту пастораль. Не он, вроде бы, а его жена – так все считают. Во всяком случае, она ушла от него к другому. Пять лет назад.

Я помню, как он плакал в нашем доме и уснул на моих коленях. Я пожалела его сладкий сон и просидела с онемевшей спиной до часу ночи, пока он не проснулся. Видно, забыв во сне про горе, и решив, что я – это его Светка, он начал страстно ласкать меня, в темноте ища губами мои губы. Я сказала: Ромашка, перестань, это же я. Он, казалось, не удивился, но успокоился, перевернулся на другой бок и уткнулся лицом мне в грудь. Тогда я впервые в жизни пожалела, что мой муж не такой пылкий, как его младший брат.

Потом Ромашка запил.

Ярослав отобрал у него ключи от квартиры и перетащил к нам. Наш сын тогда только поступил в медицинский в Москве, туда же, где учились отец и дед, и дядька поселился в его комнате.

Муж отвозил его на работу и забирал с работы, даже, если ему приходилось возвращаться назад в клинику. Вечера мы проводили, в основном, вдвоём, и постепенно Ромашка перестал тосковать. Он водил меня в кино или погулять по вечернему городу, а потом стал брать с собой в рекламную студию.

Он работал оператором и увлёкся фотографией. В нерабочее время он забавлял меня фокусами компьютерной обработки изображения, попутно творя шедевр за шедевром. А шеф устроил как-то выставку его работ, принёсшую успех и Ромашке, и шефу, и студии.

Через несколько месяцев Ярослав решил, что Ромашка вновь готов к самостоятельной жизни, и снял арест. Но тот не рвался в свою пустую громадную квартиру, из которой сбежала Светка с сыном Серёжкой, в квартиру, которую оставили ему родители, продав богатому соседу примыкающие к его апартаментам две из своих пяти комнат, и купив на вырученные деньги полдома на Азовском море в Темрюке.

Можно после Нового Года? – спросил он брата. Тот сказал: да хоть вообще не уходи, надо же моей жене с кем-то нянчиться.

Ромашка ушёл неожиданно, за несколько дней до праздника. Может быть, это было связано с... Не знаю, теперь я ничего не знаю.

Накануне ночью, когда муж вернулся поздно, что стало нормой последних лет, мне показалось, что от него пахнет какими-то духами. Я, смеясь, спросила, что это за мыло у них в клинике такое душистое. Он ответил мне так грубо, что я онемела.

Я ничего не могла понять. Его усталостью такое не могло объясниться. Никогда прежде он не позволял себе грубости – ни со мной, ни с сыном, ни с кем-либо другим. Я и не подозревала, что он может быть таким.

Дождавшись, когда он ляжет и уснёт, я пошла на кухню и села в темноте. Я не испытывала ничего – ни боли, ни обиды. Недоумение – вот, пожалуй, единственное ощущение, заполнившее меня.

Я не имела опыта семейных сцен. Я ни разу не плакала по причине разлада с мужем. Наша жизнь протекала так спокойно, что мелкие неурядицы и конфликты происходили без траты лишних нервов. И иммунитет против грубости отсутствовал – мне не сделали прививку ни в детстве, ни позже.

И что теперь? Как к этому отнестись? Забыть и выбросить из головы... из души? Или обидеться и ждать раскаяния? Фу, как мерзко! Меня передёрнуло.

В кухню вошёл Ромашка. Я и забыла про него. А вдруг он слышал? Это ужасно...

Он присел на корточки передо мной, обхватил снизу мои колени и положил на них голову.

– Ромашка, ты что? Что ты не спишь?

– А ты?

– Не спится.

– Аналогично.

Мы помолчали.

– Чай будешь? – Умней я ничего не могла придумать.

– В полтретьего ночи? – Он зевнул.

И вдруг я заплакала.

Ромашка не шевельнулся, только крепче стиснул мои ноги и прижался к ним лицом. Я гладила его волосы и рыдала в кухонное полотенце.

Когда я успокоилась, он, так и не шелохнувшись, сказал:

– Переезжай ко мне.

– С чего это ты?

– И впрямь, с чего это я? – Он поднялся и вышел.

Утром оба ушли на работу, и я не вставала, чтобы сделать им завтрак, как обычно. Часа в четыре пришёл Ромашка, собрал вещи и сказал:

– Ну, я пошёл. Приходи в гости.

– Хоть бы спасибо этому дому сказал. – Я пыталась делать вид, что ничего не произошло.

– А то ты не знаешь, что спасибо.

– В таком случае, пожалуйста, не за что. Не дождёшься ...? – я не могла произнести ни слова «муж», ни его имени.

– Я попрощался с ним утром. К тому же, послезавтра – Новый Год, увидимся. Кстати, у вас или у Гарьки?

– Кажется, у Гарьки.

– Ну, пока. – И он чмокнул меня в щёку.

Прошёл Новый Год. Всё было, как всегда: дружное семейство, к которому прибавились беременная жена младшего Гарькиного сына и девушка старшего. Наш сын не приехал – со второго января сессия.

Потом наступил следующий Новый Год.

Жизнь текла своим чередом. Мы с мужем отделились после того случая, но не настолько, чтобы это стало заметно со стороны. Я списывала всё на напряжённую работу главного хирурга, у которого и операции, и заседания, и преподавание. И ещё на возраст – моему Ярославу скоро пятьдесят.

Ромашка завёл себе подругу. Мне она не нравилась, но я молчала и принимала её с тем радушием, на какое только способна. Их союз не продержался и года, и он снова принялся таскать меня в свою студию, в кино и на прогулки. И помогал мне в подготовке теперь уже моей выставки, которую задумал и согласовал с шефом всё в тех же стенах.

Когда восемь лет назад, после всеобщего развала, я уволилась из театра, где работала художником по костюмам, муж настоял, чтобы я сидела дома. А когда по инициативе губернатора ему, мужу, как достоянию нашего края, выделили новую большую квартиру, у меня появилась своя комната, в которой я устроила мастерскую и делала кукол, наряжая их в старинные костюмы, которые шила по подлинным образцам.

Вот Ромашка и придумал мою выставку.

И сейчас мы оказались в его квартире по пути из студии, чтобы забрать кое-какие материалы для неё, и чтобы Ромашка переоделся в парадное, поскольку сегодня наше семейство собиралось в ресторане отметить очередное повышение моего мужа.

Но его «вызвали», сказал Ромашка. Это слово действовало магически и обозначало рядовое явление, к которому давно привыкли. В таких случаях мероприятия переносились на ближайшее удобное для всех время и никогда не отменялись.

* * *

– Я, правда, болван? Повтори.

– Я пошутила.

– Нет. Так ты не шутишь. – Он опять заключил меня в кольцо своих рук, опершись ладонями о стену за моей спиной.

Я не могла вынести его взгляда и опустила глаза.

– Я, правда, пошутила.

– А я не шучу. Я люблю тебя.

Если бы он снова обнял меня, я не сопротивлялась бы. Но он стоял, как стоял. Я ощущала его дыхание на своём лице. Вот он, так близко... мужчина, пылающий страстью ко мне...

Засвистел чайник, но Ромашка не шелохнулся.

– У меня есть муж. Твой родной брат, между прочим.

– А ты уверена, что он тебе муж?

– То есть?..

– Ты вообще-то знаешь, что такое муж?

– Убери, пожалуйста, звуковое сопровождение. – Возбуждение спало, взамен пришло лёгкое раздражение. – Я не хочу чаю. Пойдём в комнату, и ты мне всё расскажешь. Что такое муж, например. Может, я, и вправду, не всё о жизни знаю в свои сорок четыре.

– Ты и в сто сорок четыре не больше будешь знать. – Буркнул он и отошёл к плите, а я пошла в гостиную и села на диван.

Что-то не так. Какая-то смутная тревога, похожая на предчувствие беды, просыпаясь, ворочалась во мне. И ещё раздражение, причину которого я подозревала, что только усиливало его.

Ромашка долго не появлялся.

Яркое вечернее солнце пробило щель в тяжёлых портьерах, и комната оказалась расколотой пополам. Я следила за полётом пылинок: одни кружились вверх-вниз, другие, как астероиды, стремительно появлялись и исчезали.

Он остановился в дверях. И я вдруг снова, словно впервые, увидела его. Как же красив этот молодой мужчина, который мне ни больше, ни меньше, чем брат.

Снова во мне проснулось то, что, должно быть, называется женщиной, на время заслонив тревогу и раздражение, и мне захотелось, чтобы он пошёл на поводу у своих чувств, не ожидая моего одобрения.

Но он стоял по другую сторону заполненной светом трещины, словно за гранью действительности, в зеркальце, и смотрел на меня. Сейчас он шагнёт оттуда сюда и опять станет мне братом.

– Ну, рассказывай. – Сказала я.

Он подошёл и сел в кресло напротив.

– Что тебе рассказывать? – Он изучал взглядом стену над моей головой.

– Всё рассказывай. Что такое муж, что такое жена. Почему я – дура? Что вообще происходит?

– Я пошутил.

И по тону, каким он сказал эту короткую фразу, я поняла, нет, я почувала, что услышу гораздо больше, чем могла предположить.

Но он молчал. Во мне поднималась новая волна тревоги, от которой становилось дурно.

– Говори, не тяни.

– ...хвоста за кот. – Он попытался пошутить.

– Говори, я прошу.

– Ты мне неверишь и всё поймёшь неправильно.

– Уж как-нибудь я отличу правду ото лжи, будь спокоен.

Он глянул на меня со странным выражением лица, закрыл лицо ладонями и простонал:

– Ой, не надо, Юля!.. отличит она...

– Да что происходит, Роман?

Ромашка поднял голову.

– Ты веришь своему мужу?

– То есть?..

– Ответь: веришь или нет?

– Мне не давали повода над этим задумываться... Верю, конечно. А что?

– Нет, ничего. Вот и хорошо. Мужьям надо верить.

– Рома, я сейчас разозлюсь! Что за вопрос? К чему это?.. Этот вопрос? – Я разволновалась не на шутку и готова была, если потребуется, физически вытрясти из Ромашки всё, что он не договаривает.

– Ты настаиваешь? – Его лицо окаменело, а глаза впились в мои. – Настаиваешь. Так вот, твой муж позвонил и попросил задержать тебя часа на два-три...

– Что?..

– Что слышала. – Ромашка снова закрыл лицо ладонями. – Он уже много лет тебя обманывает. У него есть женщина... Он не решается тебе сказать... У него дочка четырёх лет. Они живут в вашей старой квартире.

– Что?.. Нет... Не ври... – У меня онемели руки, и к горлу подкатила тошнота.

– К сожалению, я не вру. – Он откинулся на спинку кресла, выдохнул с шумом, словно после огромного физического усилия, и заговорил уже спокойным бодрым голосом. – Он поручил мне тебя, когда я у вас жил. Он говорил: потаскай её к себе в студию, там полно мужиков, может кем-то увлечётся, тогда и... Ты что?..

Я, едва зажав рот неслушающимися руками, влетела в уборную.

Меня рвало. Желудок был почти пустым, а потуги такими сильными, что, казалось, меня вот-вот вывернет наизнанку. Я не успевала передохнуть, как накатывал новый приступ.

Со мной такое случилось только раз в детстве, когда мы с родителями долго-долго ехали по горной петляющей дороге в маленьком старом автобусе. И больше никогда, даже в пору беременности.

Мне сделалось страшно, и видно, от испуга всё вдруг прекратилось. Тогда я заплакала.

Ромашка поскрёб в дверь:

– Как ты?..

Прикрывая лицо, я юркнула в ванную. Меня снова начало выворачивать. Спазмы от рыданий и тошноты вымотали меня, мне уже не хватало сил вдохнуть воздух. Я начала терять сознание.

Ромашка, заподозрив неладное, вошёл, не спрашивая позволения.

Потом я смутно помню, как он поднимал меня, а ноги не слушались. Он подхватил меня рукой, плескал холодной водой в лицо и лил её за шиворот. Это лишь на секунды приводило меня в себя, и я снова теряла сознание.

* * *

Я лежала в постели. В их со Светкой широкой постели. Рядом в кресле, перетащенном из гостиной, сидел Ромашка.

В комнате было почти темно, только сумеречный свет проникал из-за штор.

Увидев, что я открыла глаза, он сказал:

– Ну, ты меня и напугала.

Я вспомнила всё, и внутри опять поднялась тошнота, и потекли слёзы.

Он пересел на край постели и стал утирать мне лицо.

– Успокойся, – говорил он, – это как удалить гнилой зуб: сперва больно, а потом хорошо.

Я зарыдала. В груди и горле болело, и казалось, что это болит изодранная в клочья душа.

– Я не собираюсь перед тобой извиняться! Если только за то, что так долго молчал. – Он старался быть твёрдым, но я чувствовала, что ему тоже нехорошо.

Сквозь рыдания я спросила:

– И что... все... знали?

– Да.

Я завывала.

– Ты что, так сильно его любишь? – Спросил Рома.

Я не знала. Но продолжала реветь в голос.

Он безнадежно пересел в кресло и решил выждать.

Я успокоилась от отсутствия проявлений его жалости.

Он сидел, прикрыв ладонью глаза.

Я задумалась, люблю ли я своего мужа. И что такое любовь после двадцати лет брака? Семья, ребёнок, общие заботы, общие праздники. Как у всех – как у Гарика, как у Ромашки...

Нет, у Ромашки всё выглядело как-то по-другому. Я тогда думала, что это потому, что они моложе, что они – другое поколение, с которым нас разделяет пропасть...

Я опомнилась – мне ведь пора домой... Эта мысль возникла сама по себе, рефлекторно: за окном темно, а я после работы ещё не объявлялась...

Когда она состыковалась с реальной ситуацией, у меня начался новый приступ рыданий. Домой... туда, где он, где эта грязь... столько лет... Ярек, ужин готов... О-о-о... Ты устал, поспи... У-у-у... Одна постель, хоть и разные с некоторых пор одеяла... и пижама с ночной рубашкой... Его дыхание рядом по ночам... У-у-у... У-у-у...

– Сволочь... – Тихо произнёс Ромашка.

– Куда же?... у-у-у... мне теперь?... у-у-у...

– Успокойся! Расслабься. Никуда тебе теперь. Останешься у меня.

Я затихла понемногу в полном изнеможении.

Ромашка вышел и вернулся через некоторое время с кружкой чая.

– Выпей, с шиповником.

Шиповник всем троим сыновьям высылали каждый год родители. Этот семейный напиток – чай с шиповником – считался едва ли не панацеей.

Я сделала глоток и почувствовала, что меня сейчас снова начнёт выворачивать. И опять это испугало меня, и я заплакала.

Мне стало невыносимо жалко себя. Впервые в жизни. Никогда прежде у меня не возникало повода жалеть себя. Даже, когда умерла мама. Ведь у меня был муж, была большая семья, которая служила убежищем и опорой. Мне нечего было бояться – я не одна.

И вот теперь – одна? Есть сын... Но у сына своя жизнь. К тому же, он бывает дома всего два-три раза в год. А большая семья осталась на том берегу, где и мой муж... Ведь они всё знали и не защитили меня.

Близкой подруги нет – все свои свободные душевные силы и время я отдавала "большой" семье. Общения с Лилей, женой Гарика, мне хватало. Но... ведь она тоже знала... Как же теперь?... Я больше не смогу смотреть ей в глаза...

Я проснулась от телефонного звонка.

Ромашка поднял трубку со стоящего на полу у кровати телефона.

– Да? ... Да. ... Да. ... Не волнуйся и не жди. ... Так получилось... Ты должен радоваться... Это я свинья?! ... Не зли меня! Бай! – И он бросил трубку.

Телефон зазвонил вновь. Ромашка выдернул вилку.

– Это..? это..? – Я не знала, как назвать мужа.

– Это твой бывший. Попробуй-ка выпить чай.
– Нет... – Я опять разревелась. – Что мне теперь делать?.. Ромашка...
– Поспи. А потом выходи за меня замуж. – Голос его звучал глухо.
– Я ведь серьёзно...
– А я ещё серьёзней. – Он взял мою ладонь и прижал к губам. К своим красивым упругим и властным губам.

Мне показалось, что я засыпаю. Мысли путались с наплывающими картинками: тёмная комната вдруг превращалась в поле с ромашками, а я рукой ловила в тёплом ручье ускользающую бабочку.

Ей трудно давались взмахи крыльев в воде, и я вот-вот должна была её настичь. Но бабочка, в который раз, обдав мою ладонь струёй воды, уплывала и всё повторяла: я буль-буль тебя, я буль-буль тебя...

Мне было приятно это щекотание и забавны её слова, взбулькивающие под водой, хотелось улыбнуться, но никак не получалось...

Вдруг бабочка выпорхнула из ручья и громко заверещала в воздухе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.